

2205 бр

УНИВЕРСИТЕТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

На правах рукописи

И. П. ФЛЕРОВСКИЙ

**ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
1914—1918 гг.**

из цикла лекций по истории СССР

V.N. KARAZNE KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК • 1944

Цена 60 коп.

Р

V.N. Karazin Kharkiv National University

00666117

1

1) 9 (4), 1914-1918"

2) 9 (431), 1914-1918"

3) ~~32B 355.48~~

3) 32B 355.48

4) 355.48, 1914-1918

Первая мировая война (1914—1918 гг.) была войной за передел мира, то-есть войной империалистической. Агрессором в этой войне, развязавшим войну и начавшим военные действия, явилась Германия, натравившая свою союзницу Австро-Венгрию к нападению на Сербию, несмотря на то, что сербское правительство почти полностью согласилось удовлетворить требования наглого ультиматума, предъявленного Австрией после убийства в Сараеве эрцгерцога Фердинанда.

Фашистская «историография» всемерно старается доказать, что война развязана не Германией, а Антантой, что Россия «напала» на Германию. Эта историческая фальсификация и клевета, пущенная в ход фашистами, чтобы успешнее подготовить германский народ к реваншу, решительно опровергается всей документацией, свидетельствующей совершенно бесспорно о роли германского правительства как агрессора и активного провокатора войны.

В. И. Ленин по вопросу о виновнике развязывания первой мировой войны говорил:

«Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия... немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южно-славянского, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»¹.

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 61—62.

Агрессия Германии не была случайной. Германский империализм — один из наиболее молодых и хищных империализмов мира.

Капитализм Германии получил мощный толчок к росту лишь в 70-е годы прошлого столетия, после разгрома Франции во франко-прусской войне, захвата Эльзаса и Лотарингии и контрибуционного ограбления французского народа (5 млрд. золотых франков), после того как отдельные, раздробленные феодализмом германские княжества, герцогства и т. д. были спаяны в результате победной войны «железом и кровью» в единую германскую империю.

В годы интенсивного империалистического раздела мира (Африка, Азия, Южная Америка) германский капитализм, осваивавший внутренний рынок и укреплявший внутреннее единство империи, принимал сравнительно слабое участие в дележе «свободных» земель и захватил менее значительные куски колоний, нежели другие старые капиталистические державы. В частности, «железный канцлер» Отто Бисмарк, руководивший в то время всей политикой германского правительства, считал, что нет смысла Германии стремиться к захвату отдельных колоний, не имея мощного военного и торгового флота. Однако эти соображения Бисмарка далеко не разделялись германской буржуазией, агрессивно-колониальные аппетиты которой неудержимо возрастали по мере усиления её промышленно-торговой мощи. Закон неравномерного развития капитализма в росте германского капитализма нашёл своё блестящее подтверждение, равно и действие этого закона в империалистическую эпоху, установленное В. И. Лениным и разработанное товарищем Сталиным.

«Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»¹.

Германский капитализм, политый золотым дождём французской контрибуции, быстро развивается, германская индустрия по ряду основных отраслей (металл, машиностроение, химия и т. д.) догоняет и перегоняет старейший английский

¹ Сталин, Заключительное слово на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна.

капитализм и вступает с ним на арене мировой торговли и инвестиций капиталов в острое соперничество.

По мере своего роста германский империализм устремляется к поискам, завоеваниям новых рынков, становится всё более агрессивным. Эта агрессия находит яркое отражение и во внешней политике германского правительства, особенно со времени прихода к власти кайзера Вильгельма II. Если Бисмарк считал, что «восточный вопрос не стоит костей померанского гренадера», то уже рейхсканцлер фон Бюлов выставляет новый агрессивно-империалистический лозунг: «Германия должна получить себе «место под солнцем». А сам Вильгельм совершает в 1899 г. путешествие к «святым местам» (Иерусалим) и привозит оттуда столь реальные для германского капитала вещи, как ряд торговых договоров с Турцией и, главное, — концессию на Багдадскую железную дорогу с выходом к порту Кувейт на Персидском заливе. Эта концессия была прямо и агрессивно направлена против насущных интересов Британии.

Так как мир уже поделён и свободных земель для колониальных захватов почти не осталось, то все усилия германского империализма направляются к тому, чтобы всесторонне подготовиться к **насилованному** переделу мира. 1900-е годы являются годами интенсивнейшей подготовки Германии к войне. Эта подготовка идёт по всем направлениям: в области экономики — возрастает военная индустрия (заводы Круппа); по военной линии — возрастает германская армия и её вооружение (особенно артиллерия), осуществляется программа фон Тирпица по созданию большого военного флота, в частности подводного, способного противостоять английскому; в области дипломатии — вербуются новые союзники для грядущей схватки (поиски на Балканах и т. д.) и, наконец, в области военно-стратегической — разрабатываются планы нападения и разгрома противника (план генерала Шлиффена, принятый в 1907 г.).

Учитывая величайшую для Германии опасность длительной войны на два фронта против государств, входивших в Тройственное Соглашение (Entente Cordial — Англия, Франция, Россия), начальник генерального штаба Германии граф Шлиффен разрабатывает свой известный план последовательного разгрома союзников. Шлиффен исходил из того убеждения, что мобилизационная машина царской России не сможет быстро сосредоточить свои войска к границам Германии, поэтому на восточный фронт он запланировал лишь десять дивизий с оборонительной для них задачей. Главная же масса германских войск, по плану Шлиффена, должна была немедленно

атаковать Францию. При этом опять-таки на левом германском фланге, упирающемся в горные цепи на франко-германской границе, Шлиффен ставит всего 8 дивизий с задачей отступления перед натиском французов и отвлечения французской армии от жизненных центров Франции, а свыше 50 германских дивизий, то-есть основная масса германской армии, через нейтральную Бельгию вторгается в глубь Франции, идёт к Парижу и наносит молниеносный, сокрушительный удар французской армии. Таким, вкратце, был план Шлиффена.

Мы видим, что это был план «блиц-разгрома» Франции, после чего германские войска были бы переброшены на восточный фронт, против России.

Порочность стратегического плана генерала Шлиффена заключалась в том, что Шлиффен явно недооценивал военную мощь французской армии, не брал в расчёт английскую армию и преувеличивал недостатки русской мобилизационной организации. Вот почему в плане Шлиффена был весьма силен элемент авантюризма, приведший этот план к крушению.

Государства Тройственного Соглашения (Антанта) также готовились к неизбежному нападению германского империализма, но их подготовка шла более медленно, и Германия вступила в первую мировую войну лучше подготовленной, нежели страны Антанты, особенно в области тяжёлой артиллерии. Германия имела новый и довольно сильный флот, особенно способный, казалось, наносить крепкие удары английскому противнику и срывать английскую блокаду. Германское правительство и командование были убеждены в быстром и победном окончании войны и старались убедить в этом народ и свою армию. Провожая войска на фронт, император Вильгельм II напутствовал их хвастливым обещанием: «Ещё до осеннего листопада вы вернётесь домой победителями».

Однако экономические ресурсы Германии, несмотря на её длительную подготовку к войне, были всё же ограниченными и не могли в процессе войны пополняться в результате английской морской блокады. Ограниченны были и людские резервы. Поэтому срыв плана Шлиффена вёл Германию к неизбежному конечному поражению.

Расчёты германского командования на «блиц-разгром» Франции потерпели жестокий провал на первом же этапе войны. Натиск германской армии был остановлен на реке Марне соединёнными англо-французскими армиями. Этот факт в истории первой мировой войны получил название «чуда на Марне», причём долгое время в заграничной воен-

ной печати это «чудо» не получало должного освещения и объяснения. А между тем объяснить его не трудно. Большую роль сыграл здесь и комендант Парижа генерал Галлиени, разгадавший план немцев и принявший ряд мер к сопротивлению и защите. Но главным «виновником» «чуда на Марне» была русская армия, вступившая по просьбе союзного (английского и французского) командования в пределы Пруссии значительно раньше, чем это предусматривал план генерала Шлиффена, и заставившая генеральный штаб Германии (Мольтке-младший) перебросить два корпуса с главного направления на восточный фронт. Эта переброска корпусов в решающий момент ослабила германский натиск на Францию и создала «чудо на Марне».

О том, что именно переброска этих двух корпусов на восточный фронт имела **решающее значение** для поражения немцев на реке Марне, свидетельствует следующий факт: в своих мемуарах генерал Людендорф, назначенный в это время начальником штаба восточного фронта при командующем этим фронтом генерале Гинденбурге, настойчиво старается отклонить от себя вину за переброску корпусов с главного направления («я их не просил») и, стало быть, за срыв плана Шлиффена.

После поражения немцев на реке Марне и «бега к морю», явившегося результатом безуспешных попыток обеих воюющих армий охватить фланги противника, фронт на западе принял устойчивый, позиционный характер.

Вмешательство русской армии (под командованием генерала Самсонова) спасло Париж, Францию, сорвало план Шлиффена и заставило Германию вести длительную войну на два фронта, чего не без основания опасался германский генералитет, предчувствуя в такой войне опасность поражения Германии.

Получив отпор и завязнув в позиционной войне на западном фронте, германское командование пытается найти стратегическое решение (победу) на восточном фронте. Инициатором этого плана явился генерал Людендорф. В 1915 г. германское командование проводит спешные и усиленные переброски войск с западного фронта на восточный, и армии Гинденбурга—Людендорфа переходят в генеральное наступление против русских армий.

Благодаря огромному превосходству в технике, в особенности в тяжёлой артиллерии и снарядах, благодаря крайнему недостатку вооружения русских армий (нехватка снарядов,

винтовок и т. д.) немцам удаётся прорвать русский юго-западный фронт (Горлица). Русские армии вынуждены отойти из Галиции, оставить крепость Перемышль и т. д. Немецкие войска занимают Польшу и Литву. Это был несомненный и крупный тактический успех германской армии, но решающих результатов, на которые рассчитывало германское командование, он не принёс. Героизм русских солдат, засвидетельствованный многими иностранными авторитетными свидетелями, спас русскую армию от разгрома, сдержал германский напор, и, в конечном счёте, на восточном фронте война также приняла устойчивый позиционный характер.

Попытки немецкого командования решить войну победой на восточном фронте, несмотря на достигнутые немцами тактические успехи, имели в ходе всей войны для Германии резко отрицательные результаты: длительное, упорное сопротивление русских армий германскому натиску сковало надолго огромные массы германской армии на восточном фронте, дало союзникам передышку на западном фронте и возможность наверстать недостаточную военную и материальную подготовку к войне (особенно для Англии). Стало быть, и в этом отношении в 1915 г. русская армия для грядущей победы союзников сыграла решающую роль.

Сменивший генерала Мольтке младшего новый начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн вновь делает попытку добиться победы на западе. Фалькенгайн считал Россию не способной больше к серьёзным боевым операциям, а Италию, вступившую к этому времени (1916 г.) в войну на стороне Антанты и, таким образом, изменившую Тройственному Союзу, — маломощной в военном отношении державой, не способной оказать значительное влияние на ход войны. Решающим фактором войны на стороне Антанты Фалькенгайн считал Францию. «Франция, — писал он позднее в своих мемуарах об этом периоде войны, — дошла почти до предела своих военных усилий. Если удастся дать ясно понять ее народу, что в военном смысле им больше не на что надеяться, то конец станет близким и из рук Англии будет выбит ее лучший меч»¹.

Поэтому он решает начать осаду французской крепости Верден и одновременно готовит разгром Италии.

«Основа тактического плана действия под Верденом заключалась в серии наступлений с ограниченной целью, кото-

¹ Цитировано по книге Лиддель Горта, Правда о войне, русский перевод, стр. 166.

рые заставили бы французов подбрасывать свои резервы в мясорубку германской артиллерии»¹.

Однако Верден стал «мясорубкой» не только для французской, но и для германской армии, которая при штурмах Верденских фортов несла огромные потери людьми.

План Фалькенгайна через «Верденскую мясорубку» обессилить Францию и Антанту в целом потерпел крушение благодаря вмешательству русской армии, которую германское командование считало парализованной. В марте 1916 г. русские войска повели атаку в районе озера Нарочь (на западном фланге) с исключительной целью ослабить германский нажим на Францию. В июле последовал знаменитый Брусиловский прорыв на левом (южном) фланге австро-германских армий, сломивший австро-германский фронт, как хрупкую корочку печенья. Войска генерала Брусилова прорвались к Буковине, овладели Черновицами, взяли свыше полумиллиона пленных и поставили Австро-Венгрию в положение крайней опасности. Только нехватка резервов, задержанных бездарным верховным командованием русской армии (Николай II и генерал Алексеев), помешала Брусилову завершить свой блестящий удар и вывести Австрию из войны. Тем не менее, Брусиловский прорыв имел серьезнейшие положительные результаты для союзников: помимо поражения австро-германской армии, этот прорыв заставил немцев снять осаду Вердена, спас Италию, заставив австрийцев свернуть атаки по итальянскому фронту в районе Трентино, сорвал готовящиеся немцами наступления против английской армии на реке Сомме, заставил Румынию покончить с колебаниями и вступить в войну на стороне Антанты и, наконец, привёл к отставке самого Фалькенгайна.

Оценивая эффективность Брусиловского прорыва для союзников, полковник Лиддell Горт делает ценное замечание: «...Россия пожертвовала собой ради своих союзников и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России»².

Успехи германских армий на обоих фронтах, хотя и прерывавшиеся значительными неудачами (поражение на реке Марне, вторжение русских войск в Галицию и занятие Львова и Перемышля, Брусиловский прорыв), сильно подогрели хищнические империалистические аппетиты германской буржуазии. Еще 20 мая 1915 г. канцлеру Бетман-Гельвегу была

¹ Лиддell Горт, Правда о войне, стр. 167.

² Там же.

подана записка шести крупнейших хозяйственных объединений Германии (центральный союз германских промышленников, промышленный союз, германо-имперский союз среднего сословия, союз сельских хозяев, германский крестьянский союз, правление христианских крестьянских союзов).

«В этой записке требовались и обширнейшие аннексии на западе, за счёт Бельгии и Франции, и колонии и обширнейшие присоединения земель Российской империи. Имелось в виду не только оторвать от России наиболее хлебородные местности, но и установить протекторат (!!) над немецкими колонистами на юге России и на Волге; ...установить связь бесправных германских крестьян в России с германским имперским хозяйством и (этим) значительно повысить численность пригодного к обороне населения»¹. Эти империалистические планы «хозяйственников» были поддержаны «меморандумом профессоров», принятым на собрании 20 июня 1915 г. Под «меморандумом» подписалось 1347 «учёных», причём их требования по своей наглости превосходили даже аппетиты хозяйственных организаций.

«В этом «меморандуме» мы находим рассуждения и... о заселении германскими крестьянами завоёванных земель, и о выращивании из них крестьян-воинов, и об очищении завоёванных земель от их населения..., и о лишении политических прав всех жителей не немецкой национальности в расширенной Германии»². «Меморандум» впоследствии явился основой фашистской идеологии и звериной практики истребления населения оккупированных стран.

Особенно разыгрались хищнические аппетиты германских империалистов после выхода России из войны и заключения грабительского Брестского мирного договора. Распределялись уже электростанции между Симейс-Гальске и другими фирмами: кому взять Томск, кому электрифицировать Ташкент. Уже высчитывалась нагрузка рельсопрокатных заводов Германии ввиду близкой необходимости дублировать Сибирскую железную дорогу, и т. д.

Выход России из войны внешне как будто резко улучшил военное положение Германии, позволив германскому командованию перебросить с восточного фронта на западный значительную часть дивизий. К этому времени относятся радужные надежды германского командования (Гинденбурга—Лю-

¹ Е. Тарле, Восточное пространство и фашистская геополитика. Сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», стр. 263.

² Тот же сборник. Р. И. Нотович, Фашизм и фальсификация исторической науки, стр. 18—19.

дендорфа) и правительства на близость победы и на реальную возможность продиктовать Европе «германский мир». Так, в записке Вильгельму II от 7 января 1918 г. фельдмаршал Гинденбург пишет: «Чтобы обеспечить себе то мировое политическое и экономическое положение, какое нам нужно, мы должны разбить западные державы»¹.

Гинденбург, очевидно, был убеждён в близкой возможности решительной победы. Это подтверждается и выступлением в рейхстаге 24 января 1918 г. рейхсканцлера графа Гертлинга, который заявил: *«Можете поверить мне, когда я утверждаю, что наше военное положение никогда не было столь благоприятным, как теперь. Высокоодаренные вожди нашей армии смотрят на будущее с несколько не уменьшившейся уверенностью в победе. Во всей армии среди офицеров и солдат живет ничем не сломленная радость битвы»*.

Радужные надежды германского командования на близкую победу зиждились не только на ликвидации восточного фронта (хотя он фактически ликвидирован не был: оккупированная Украина повела энергичную борьбу против оккупантов и срывала планы Германии как по линии продовольственного и сырьевого снабжения, так и по линии военной), надежды эти обосновывались и на, казалось, весьма тяжёлом положении союзных армий.

С 1 февраля 1917 г. Германия, по плану адмирала Тирпица, повела против союзников и, прежде всего, против Англии и её торгового флота неограниченную истребительную подводную войну. Долгое время английское командование флотом Британии не могло найти эффективных методов борьбы против атак германских подводных лодок и, по свидетельству главы английского правительства Д. Ллойд-Джорджа, Англия была поставлена в весьма трудное положение большими потерями судов торгового флота и затруднениями с вывозом сырьевых и продовольственных резервов из доминионов и колоний.

Итальянская армия, разгромленная австро-немцами осенью 1917 г. под Капоретто, фактически перестала быть боеспособной и сдерживалась от окончательного распада лишь наличием на итало-австрийском фронте англо-французских дивизий.

Французская армия, потерпевшая в наступлении, организованном её командующим генералом Нивелем (апрель 1917 г.), жестокое поражение и в значительной мере обескровленная,

¹ Цитировано по мемуарам Ллойд-Джорджа, т. IV.

была, по свидетельству её нового командующего генерала Петэна (теперешний «глава» правительства Виши) «не способна к крупным операциям раньше 1919 года».

Английская армия, ведшая осенью 1917 г. тяжёлые и бесплодные наступательные бои во Фландрии (болота Пашенделя), потеряла в этих боях 339 тысяч солдат и офицеров, и эта потеря не была ещё восстановлена новыми пополнениями.

Наконец, США, вступившие в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г., к концу этого года сумели переправить в Европу лишь десяток дивизий, проходивших дополнительное военное обучение во французском тылу.

На основе всех этих данных германское командование и рассчитывало, что оно держит, наконец-то, крылатую богиню победы в своих руках.

Весной 1918 г. германское командование спешит использовать благоприятные обстоятельства, сложившиеся для Германии на западном фронте, и Людендорф начинает ряд больших атак (21 марта) на линию союзных войск. Он вбивает один за другим свои знаменитые «клинья» в англо-французский фронт — Амьенский, Хайзебрукский (Фландрия) и Марнский — в направлении к Парижу, между Суассоном и Реймсом. Успехи германских армий были столь значительны, что породили в Германии большое ликование, связанное с надеждой на близкое окончание войны, и повергли в состояние крайней тревоги и растерянности как английское (фельдмаршал Дуглас Хейг), так и французское (генерал Петэн) командования. Однако эти успехи носили лишь *тактический* характер и *стратегического* завершения не получили.

«Когда наступление зашло так далеко, что превосходство германской армии в людях и артиллерии сошло на нет, — говорит Ллойд-Джордж, — оно замерло и остановилось».

Союзные правительства (Ллойд-Джордж) в Англии и Клемансо во Франции) нашли начальный и правильный выход из тяжёлого положения, создав впервые единое командование союзными армиями и поручив это командование наиболее способному из французских военачальников — маршалу Фошу. В то же время английское правительство принимает энергичные меры к скорейшей переброске в Европу американских дивизий, мобилизуя для этих целей всю мощь своего военного и транспортного флота, подкреплённого флотом США, и достигает в этом деле огромных, неожиданных для Германии успехов.

Маршал Фош, сосредоточив значительный резервный кулак, снабжённый большим количеством танков — этого нового вида оружия, которого не имела германская армия, в июле развёртывает контрнаступление, наносит ряд ударов по «клиньям» Людендорфа. И 8 августа германская армия терпит жесточайшее поражение, определившее в дальнейшем полный разгром германской армии и катастрофическое поражение Германии в первой мировой войне. День 8 августа генерал Людендорф с полным основанием назвал «чёрным днём» германской армии. «С этого момента, — пишет Людендорф в своих мемуарах, — война приобрела характер безответственной азартной игры. Войну надо было кончать».

Переход германской армии от положения «близкой победы» к полному поражению ничего загадочного не представляет. «Уверенность» Гинденбурга—Людендорфа и убеждённого ими в «близости победы» рейхсканцлера Гертлинга была воистину построена на песке и поэтому являлась насквозь авантюристичной. Как внутреннее, так и международное положение Германии к этому времени (1917—1918 гг.) было исполнено чрезвычайных и непреодолимых трудностей, неизбежно ведущих её к катастрофе.

В области *международной* важнейшие отрицательные следствия для германского империализма имели два факта:

Первый факт — Брестский мир. Освободивший Германию от восточного фронта лишь частично, так как оккупация Прибалтики и Украины занимала не менее 40 немецких дивизий, грабительский Брестский мир обнажил перед всем миром до конца звериный, хищнический облик германского империализма, показал воюющим народам, что их ожидает в случае поражения, и вдохнул в них новые силы к сопротивлению.

Германские дивизии, переброшенные с восточного фронта на запад, несли с собой жажду мира, посеянную в них Октябрьской революцией, и заражали своим настроением и другие германские войска.

Второй факт — истребительная подводная война привела к немедленному разрыву дипломатических отношений США с Германией и дала толчок правительству США в апреле 1917 г. объявить войну Германии.

Вильям Додд, биограф президента Вудро Вильсона, так объясняет вступление США в войну на стороне Антанты: «Если бы Германия победила, американская промышленная цивилизация неизбежно должна была бы бороться с нею за верховенство над всем миром. Ни один человек, который об-

ладает не совсем элементарными историческими познаниями, не мог бы в этом сомневаться в декабре 1916 года»¹.

И опять-таки, германские военные и политические деятели глубоко пренебрегали, недооценивая возможности США в смысле реализации её могущества на континенте Европы и уверяя немецких обывателей, что «Америка не придёт».

В области внутренней положение было ещё более трудным. Хотя материальные (сырьевые, продовольственные и т. п.) запасы Германии были значительны к началу войны, однако они не были рассчитаны и достаточны для ведения длительной войны, а между тем английская блокада совершенно исключила их пополнение. В результате — Германия к третьему году войны переживала полосу острейшего сырьевого и продовольственного голода. Питание рабочих при 10—12-часовом рабочем дне снизилось в 1917 г. до 1 000 калорий в день, то-есть до нормы двух-трёхлетнего ребёнка. Надежды Германии на обильное снабжение продовольствием и сырьём из оккупированной Украины оказались совершенно неоправданными: мощное партизанское движение украинских рабочих и крестьян сорвало все планы немцев по ограблению Украины. Катастрофически пала производительность труда. В 1913 г. Германия выплавляла 19,3 млн. т чугуна, в 1918 г. — лишь 9,2 млн. т; стали в 1913 г. — 18,3 млн. т., в 1918 г. — 11,8 млн. т. Сбор зерновых снизился с 17 млн. т в 1913 г. до 12 млн. т в 1916 г.

В результате недостаточного питания, голода и холода с каждым годом войны возрастала в Германии смертность. В 1915 г. умерло на 88 тыс. человек больше, чем в среднем в году довоенного десятилетия, в 1916 г. — на 121 тыс. больше, в 1917 г. — на 259 тыс., в 1918 г. — на 294 тыс.

В общем, за четыре года войны в Германии смертность сверх нормальной унесла 763 тыс. жизней. С каждым годом, месяцем и днём в тылу возрастала усталость от войны. И это немедленно отражалось на фронте, на духе войск. А главное, к концу 1917 г. резервуар людской силы в Германии был исчерпан. Людендорфу нечем было возместить потери (около 700 тыс. убитыми и ранеными), понесённые им в наступлении весной 1918 г.

Вот показания генерала Куль, данные на следственной комиссии рейхстага, характеризующие истощение людских резервов германской армии:

«Положение с пополнением было исключительно тяжёлым.

¹ В. Додд, W. Wilson, 1920 г.

Это было наибольшей трудностью во всём ведении войны в 1918 году. Мы всё время должны были ограничивать себя: мы вынуждены были снизить численность батальонов с 4 до 3 рот и расформировать целые дивизии. Летом 1918 года все возможности получить пополнение были исчерпаны.

Нехватало также и рабочей силы в промышленных предприятиях Германии. Замещение недостающих немецких рабочих военнопленными и насильственно вывезенными из оккупированных территорий рабочими не могло дать серьёзных положительных результатов, ибо исполненные острой ненависти к германскому империализму иностранные рабочие саботировали и давали ничтожную производительность труда.

На почве чрезвычайных тягот, возложенных германским империализмом на плечи трудящихся Германии, постепенно назревало острое недовольство войной, жажда мира, росли революционные настроения в рабочих массах. Жажда мира нарастала и среди солдат германской армии, особенно в дивизиях, переброшенных с восточного фронта, опалённых дыханием Великой Октябрьской революции. Жажду мира и революционные настроения приносили с собой и немецкие солдаты, в одиночном порядке перебрасываемые с Украины на западный фронт. Вот что писал об этом генерал Гофман, возглавлявший германскую делегацию в Брестских переговорах о мире: «Я того мнения, что именно эта переброска отдельных солдат из войсковых частей восточного фронта на западный имела роковые последствия. Большевицская пропаганда, несомненно, влияла на армию».

Вот отчего, в результате указанных неискоренимых трудностей, германский империализм, раздувшийся, как говорил Ленин, на три четверти Европы, тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние (Ленин, т. XXIII, стр. 266).

Несмотря на все победы германской армии, безысходность положения Германии в войне была совершенно очевидной для наиболее дальновидных умов даже в самой Германии.

В. И. Ленин, в связи с последними (весной 1918 г.) победами армий Людендорфа, говорил: «...чем дальше одерживает свои победы Германия, тем яснее становится для всех, даже для многих представителей из крупной буржуазии Германии, что война безысходна, что если даже немцы смогут сопротивляться на Западном фронте, то это несколько не приблизит их к концу войны, но создаст... разложение немецкой армии, которая превращается и превратится из армии в шайку грабителей, людей, производящих насилие над чужими народами, над безоружными народами, выкачивающих оттуда по-

следние остатки съестных припасов и сырых материалов при громадном сопротивлении населения»¹.

Поражение германской армии 8 августа предопределило, как мы указали, полный разгром Германии. 26 сентября 1918 г. союзники перешли в общее наступление и прорвали оборонительную линию Гинденбурга. В то же время один за другим выходили из войны союзники Германии (Турция, Болгария и Австро-Венгрия). Полное поражение Германии стало совершившимся фактом, и 11 ноября в Компьенском лесу маршал Фош продиктовал немцам условия перемирия, которые представители Германии беспрекословно вынуждены были подписать.

Гитлеровские «учёные» фальсификаторы стараются доказать, что Германия не потерпела военного поражения, что она была опрокинута ударом в спину, то-есть революционным движением в Германии. Это утверждение насквозь лживо и не выдерживает критики. Подводя итоги побед и разгрома Германии в первой мировой войне («напобеждали до смерти»), германские военные авторитеты (фон Сект, Гренер и др.) и политические деятели (Бюлов и даже сам Гитлер), анализируя ряд причин, приведших Германию к поражению (ошибки командования, блокада, провал подводной войны и т. д.), в конечном счёте все частные причины сводят к одной основной и решающей: поражение Германии явилось неизбежным результатом длительной войны на два фронта.

Гитлер в своей книжке «Моя борьба» на вопрос: «Почему Германия проиграла мировую войну 1914—1918 годов?» — отвечает: «Потому, что Германия не может выиграть войну против Англии и России одновременно. Если бы Германия хотела вести войну против России, она должна была бы идти вместе с Англией». Отсюда можно заключить, что полёт Гесса, заместителя Гитлера, в Англию накануне вероломного нападения германо-фашистской армии на СССР не был случайностью.

Немецкие военные авторитеты, исходя из опыта разгрома Германии, настойчиво рекомендовали избегать военного столкновения с Россией. Они вспомнили завет генерала Мольтке-старшего (командующий войсками Германии во франко-прусской войне 1870 г.), который говорил: «Не смейте залезать в безбрежные пространства Восточной Европы. Бойтесь силы сопротивления России».

Генерал Гренер, военный министр послевоенной Германии,

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 80.

в своей книге «Завещание Шлиффена» делает категорический вывод: «Чреватая для нас самыми опасными последствиями новая война против России должна быть избегнута во что бы то ни стало».

На том же настаивает фон Сект, командовавший рейхсвером. «Разве, — вскрикает он, — ещё необходимо доказывать, что Германия заинтересована в дружбе с Россией?»

Генерал Кабиш (генерал уже фашистского производства) в книге «Спорные вопросы войны» как бы в предупреждение гитлеровского авантюризма пишет: «Идея молниеносного и победоносного удара против русской армии лишена всякого основания. Всякий трезво мыслящий и осторожный солдат прекрасно понимает, что путём молниеносной войны нельзя на долгое время сделать русскую армию небоеспособной. Это чистейшая утопия».

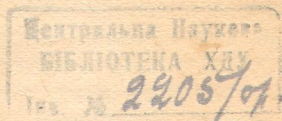
Несмотря на всю серьёзность и основательность этих предупреждений, Гитлер в расчёте на успех внезапности нападения вероломно бросил свою военную машину против Советского Союза. Как генерал Шлиффен, создавая стратегический план операции германской армии в первой мировой войне, рассчитывал на «блиц-разгром» Франции, так и Гитлер планировал «блиц-разгром» Красной Армии и СССР.

Русская армия генерала Самсонова сорвала план Шлиффена, и Германия оказалась в тисках длительной войны на два фронта, с неизбежным конечным поражением. Красная Армия героическим сопротивлением, а затем сокрушительными наступательными ударами развеяла в прах и легенду о «непобедимости» германской армии, и планы Гитлера. Германия вновь оказалась перед фактом длительной войны с союзом демократических стран, в которой её конечное поражение так же неизбежно, как и в первой мировой войне.

В приказе от 23 февраля 1943 г. товарищ Сталин указал на дефективность германской стратегии «...так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и пересценивает свои собственные силы». Мы отчётливо видели это на опыте первой мировой войны.

В нападении на Советский Союз и в ходе уже трёхлетней войны дефективность германской стратегии обнаружилась с ещё большей отчётливостью. Об этом свидетельствует и поражение германской армии под Москвой зимой 1941/42 г., и героическая эпопея Сталинграда, закончившаяся разгромом и пленением германской армии и послужившая началом грандиозного контрнаступления Красной Армии в 1942—1943 гг., и крах германской оборонительной стратегии.

Превосходство гениальной сталинской стратегии привело германскую армию к тяжчайшим поражениям. Германская армия сегодня — это раненый зверь, уползающий в своё логово. Перед союзными державами стоит высокая и благородная задача: добить фашистского зверя в его берлоге. Задача эта будет выполнена. Гитлеровская Германия, вновь зажатая в тисках двух фронтов, будет раздавлена. Разбойничий германский империализм будет разгромлен. И в этом разгроме Красная Армия играет решающую роль. «Без неё, — говорит французское Браззавильское радио, — война была бы нами проиграна... Без неё Европа страдала бы под гитлеровским игом. Восхищение народов Европы и всего мира героизмом и величием Красной Армии никогда не будет чрезмерным». (Браззавильское радио, 19 февраля 1944 г.)

Редактор Д. Михайлова.

Л74560.

Подписано в печ. 9/VIII. 1944 г.

Обём 1 п. л.

Уч.-изд. 0,96.

В 1 п. л. 43 200 экз.

Тираж 2 000.

Зак. 262.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик», Москва, Петровка, 17.

